

В 2005 г. исполняется 50 лет известному российскому ученому, доктору политики, доктору философских наук, профессору Валерию Георгиевичу Ледяеву. Валерий Георгиевич родился 6 декабря 1955 г. в г. Благовещенске Амурской обл. После окончания исторического факультета Ивановского государственного университета с 1978 по 2003 г. работал в ИЭИ (ИГЭУ) на кафедре научного коммунизма (в настоящее время «Связи с общественностью»). В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ярославском государственном университете; в 1997 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени Доктора Философии (Doctor of Philosophy) на отделении Government (Политическое управление) в Манчестерском университете (Великобритания); в 1999 г. защитил докторскую диссертацию в Ивановском государственном университете, получив степень доктора философских наук. В настоящее время работает профессором кафедры социальной и политической философии Московского гуманитарного университета. Женат, имеет двоих детей.

Сфера научных интересов Ледяева В.Г. – философия, теория и социология власти. В 1998 г. им была опубликована монография «Power: A Conceptual Analysis» в Нью-Йоркском издательстве Nova Science; в 2001 г. издательством РОССПЭН (Российская энциклопедия политики) была издана русская версия книги «Власть: концептуальный анализ», вышедшая в серии «Политология России». В.Г. Ледяев – автор более ста научных трудов, в том числе статей в журналах «Советское государство и право», «Социологический журнал», «Полис», «Логос», «Ежегодник Российской ассоциации политической науки» и др. Исследовательские проекты Ледяева В.Г. были поддержаны грантами министерства образования РФ, Российского гуманитарного научного фонда, Российского фонда Фундаментальных исследований, Британской академии наук, Фонда Фулбрайт (США) и др.

Редакционный совет «Вестника ИГЭУ» сердечно поздравляет Валерия Георгиевича с юбилеем и желает ему творческих успехов в научной и преподавательской деятельности.

УДК 321.01

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ: МОДЕЛИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Ледяев В.Г., доктор политики

Рассматривается эволюция исследовательских моделей, использовавшихся для изучения распределения власти в городских и территориальных общностях

Эмпирические исследования власти осуществляются в различных сферах и направлениях: в семье, в малых группах, организациях, территориальных общностях, на социетальном уровне. В политической науке и социологии наибольшее распространение получили исследования власти и ее влияния в городских и территориальных общностях, ставшие не только важным направлением изучения политики, но и использовавшиеся для объяснения распределения власти в обществе в целом.

Первыми эмпирическими исследованиями, в которых была предпринята попытка выявить и охарактеризовать распределение власти в городской общности, стали исследования Роберта и Хелен Линд, проведенные в г. Мунси (Индиана, США) в 20-х и 30-х гг. XX в. [1, 2]. Власть рассматривалась ими наряду с другими важнейшими аспектами общественной жизни города. Было обнаружено, что политика в городе контролируется элитой бизнеса, в которой, в свою очередь, доминирует одна семья («семья Х»). Линды не предложили какой-то специальной методологии исследования власти, основываясь в своих выводах в основном на собственных наблюдениях, интервью, материалах прессы и статистике.

В 30–40-е гг. XX в. отдельные аспекты власти изучались У. Уорнером, выпустившим серию книг о «Yankee City». Уорнер пришел к выводу, что в городе доминируют высшие классы вместе с высшим средним классом, значительно более представленные в структурах власти, чем население в целом [3, Р. 366–378]. Сосредоточение контроля над политической сферой в руках высших классов было выявлено и в исследовании А. Холлинсхеда в г. Моррис (Иллинойс, США) [4], посвященном анализу взаимосвязи социального статуса и различных форм политического участия (подробный анализ «ранних» исследований власти в городских общностях сделан Н. Полсби [5, Р. 14–44]).

Однако до 50-х гг. XX в. исследования были сравнительно эпизодическими, не были сфокусированы непосредственно на изучении власти и не привели к созданию разработанной методологии и техники анализа властных отношений. Поэтому большинство комментаторов начинает отсчет эмпирической социологии власти с исследования Ф. Хантера в Атланте, проведенного им в начале 50-х гг. [6], которое было полностью посвя-

щено изучению структуры власти в городе. В нем была использована оригинальная методика определения правящей элиты [7]. При этом Хантер (вместе с Ч.Р. Миллсом) бросил вызов многим устоявшимся представлениям о власти в США, и его книга существенно повысила интерес к теме, фактически открыв полемику по поводу распределения власти в городских общностях, достигшую пика в 60-е гг. и продолжающуюся (хотя и в несколько иных формах и с использованием новых концептуальных и теоретических моделей) до настоящего времени.

На первом этапе полемики (50–60-е гг.) имело место достаточно жесткое размежевание между так называемыми «элитистами» и «плюралистами», отразившееся в спорах по поводу методологии исследований и интерпретации их результатов. В этот период формируется основная проблематика исследований (наличие или отсутствие единой правящей элиты, социальный облик наиболее влиятельных людей в городе, ресурсы власти и специфика их использования, основные факторы и условия, определяющие структуру власти и др.), вырабатываются основные методы исследования (позиционный, репутационный, проблемный [8]).

Результаты исследований, ставшие основанием для верификации (опровержения) соперничающих теорий, как правило, оказывались в прямой зависимости от концептуальных моделей власти и методов исследования. Было установлено, что использование позиционного и репутационного методов обычно дает элитистскую картину распределения власти, тогда как проблемный (решенческий) метод, как правило, поддерживает плюралистические интерпретации. Поэтому дискуссии о распределении власти в городских общностях были по сути посвящены валидности методологии и техники исследования, используемым соперничающими теоретическими перспективами.

По мере роста количества эмпирических исследований и развертывания полемики вокруг используемой методологии и интерпретации данных усилилось понимание необходимости коррекции методов и использования их в комбинации друг с другом [9, Р. 137; 10, Р. 134]. Кроме того, постепенно стороны пришли к выводу, что элитизм и плюрализм не являются совершенно противоположными интерпретациями политической реальности, а представляют собой две стороны единого элитистско-плюралистического континуума, в рамках которого укладываются эмпирические данные о распределении власти в различных социальных общностях. Это, в свою очередь, побудило к проведению компаративных исследований распределения власти сразу в нескольких социальных общностях.

Идея о том, что политические режимы и распределение власти могут существенно различаться в различных общностях, во второй половине 60-х гг. XX в. стала общепринятой, что направило исследователей на поиск определяющих режим факторов и расширение исследовательского поля компаративного анализа. Одновременно появились работы, в которых предпринимались попытки обобщить результаты уже проведенных исследований. Наиболее полный и обстоятельный анализ факторов, обуславливающих диверсификацию городских политических режимов, был предложен Т. Кларком [11], Р. Лайнберри [12], Дж. Уолтоном [13] и др. В качестве таковых рассматривались: размер городской общности, сложность социальной структуры и экономической системы, развитие городской промышленности, активность профсоюзов и организованность рабочего класса, наличие крупных собственников, проживающих за пределами городской общности, структура городского управления, соревнование, политическая культура и др. Между этими переменными были выявлены эмпирические зависимости, при этом отмечалось возрастание роли внешних по отношению к городским общностям факторов.

Зависимость результатов от методологии исследования, а также ряд трудностей, которые не были в полной мере преодолены («локализм», недостаточное внимание к структурным и системным факторам), в 70-е гг. вызвали некоторое снижение интереса к традиционным формам исследования власти, которым в это время был брошен вызов со стороны неомарксистов и структуралистов (Дж. О'Коннор, М. Кастеллс, П. Саун-дерс, И. Хэйес, Дж. Лоджкин, К. Кокберн и др.), предложивших альтернативные объяснения, сделав акцент на значимости классового фактора и «системной» природы власти капитала в принятии решений в городской общности. Они исходили из принципиального положения о том, что городские политические институты являются частью государственной структуры и потому играют роль, аналогичную роли национального государства в буржуазном обществе: создание условий для функционирования капиталистической экономической системы и поддержание социального порядка путем регулирования и сглаживания социального (классового) конфликта, неизбежного в условиях эксплуатации наемного труда. В результате проведенных ими эмпирических исследований было обнаружено, что городская политика осуществляется главным образом в интересах крупного капитала. Носителем интересов капитала выступает, прежде всего, центральное правительство, имеющее возможности реализовать свою волю как на национальном, так и на местном уровне через вмешательство в деятельность муниципальных органов (Дж. Лоджкин). Все части государства действуют как единое целое. Местные власти не обладают существенной автономией, хотя и участвуют в координации интересов различных групп господствующего класса городских общностей (К. Кокберн); они являются одновременно и средством осуществления воли центральной власти и его препятствием (С. Дункан и М. Гудвин)[14].

Хотя марксистские объяснения распределения власти в городских общностях, как и любые другие марксистские теории, традиционно подвергались критике за излишнюю абстрактность используемых понятий, классовый

редукционизм, сведение городской политики к обслуживанию интересов капитала и т.п., они оказали заметное влияние на традиционные плюралистические и элитистские подходы, способствуя их коррекции и появлению новых теоретических конструктов. В 70–90-е гг. XX в. происходило заметное сближение основных соперничающих парадигм (плюралистической, элитистской, марксистской) на основе их эволюции. Под влиянием критики плюрализм стал более «реалистичным», признав наличие структурных преимуществ бизнеса над другими группами интересов и ограниченный характер плюрализма в современном западном обществе. Современный элитизм окончательно отбросил крайности классического наследия; более гибким стал и марксистский подход, отказавшийся от экономического детерминизма и классового редукционизма. Это нашло отражение в появлении новых теоретических проектов изучения распределения политической власти в социальных общностях.

Начиная со второй половины 80-х гг. XX в., наибольшую популярность среди исследователей власти в городских общностях получили теории «машин роста» (Х. Молотч и Дж. Логан [15]) и «городских политических режимов» (К. Стоун [16]). Первая представляла собой развитие элитистской теории, вторая – модификацию плюрализма. Согласно теории «машин роста» центральным аспектом политики в городской общности является ее рост, прежде всего, экономический. Стремление к росту обуславливает определенный консенсус между местными элитами, несмотря на имеющиеся между ними разногласия по другим проблемам. «Машины роста» – это коалиции местных групп интересов, играющих важнейшую роль в развитии города. Главным актором городской политики является бизнес, поскольку именно от его деятельности прежде всего зависит экономический рост. К бизнесу присоединяются и другие группы, непосредственно заинтересованные в эффективном использовании городского пространства – проектные организации, сервис, различные группы профессионалов и др. Особую роль в создании условий для роста играет рациональное (с точки зрения прибыли) использование земли, которое становится главной темой городской политики. Более других данная проблема интересует собственников земли, вступающих между собой в сложные и динамичные отношения взаимодействия в форме конкуренции и коалиции. При этом большое значение имеют благоприятные отношения с федеральным и региональными центрами, за которые территориальные общности борются друг с другом.

Теория городских политических режимов акцентирует внимание на трех основных факторах, анализ которых дает возможность понять характер распределения власти и структурного влияния в городских общностях: природе правящей коалиции, характере отношений между акторами и соотношении их ресурсов. В зависимости от их конфигурации в каждой территориальной общности могут возникать довольно разные политические режимы. В частности, основоположник данной теории К. Стоун [17] выделил 4 типа политических режимов в американских городах:

- 1) режим поддержания статус-кво;
- 2) режим развития (стремится обеспечить экономический рост и предотвратить стагнацию тех или иных городских систем);
- 3) прогрессивный режим среднего класса, ориентированный на защиту окружающей среды и противодействующий коалициям роста;
- 4) режим, осуществляющий массовую мобилизацию граждан с целью расширения возможностей бедных слоев населения.

Теория политических режимов имеет достаточно много общего с предыдущей теорией, рассматривая «коалиции роста» в качестве наиболее распространенной разновидности политических режимов. При этом, в отличие от концепций роста, в данном подходе существенно большая роль отводится структурным факторам образования городских коалиций бизнеса и власти. Опираясь на аргументы неоплюралистов (Ч. Линдблом), исследователи политических режимов показывают, что привилегированные позиции бизнеса являются структурно обусловленными. Поэтому независимо от уровня и активности бизнес-групп городские политики и чиновники будут действовать в их интересах; несмотря на изменения в составе местной политической элиты и идеологических предпочтений, власти города продолжают поддерживать приоритетные отношения с бизнесом, ограничивая возможности других групп. Однако потенциал господства бизнеса имеет не только структурные основания, но и опирается на организованность данной группы, что гарантирует учет ее интересов в процессе принятия важнейших городских решений. Таким образом, в либеральных демократиях имеют место две взаимосвязанные структуры власти. Одна представляет собой систему представительного правления, находящуюся (в той или иной степени) под общественным контролем, другая опирается на значительные материальные ресурсы, которыми обладает бизнес.

В настоящее время теория политических режимов начинает явно доминировать в исследованиях городской политики. По сравнению с традиционными подходами она изменила фокус исследования власти с социального контроля («власти над») на социальное управление («власть для»), привлекая внимание не столько к ответу на вопрос «кто правит?», сколько к проблемам реализации общественных целей.

В 90-е гг. XX в. теория «городских политических режимов» получила признание за пределами США, особенно в Европе. Исследования К. Доудинга и др. в Лондоне, Э. Штрэм в Берлине, А. Хардинга в Манчестере, Эдинбурге, Гамбурге, Амстердаме, П. Джона и Э. Коула в Лидсе, Саутгемптоне, Лилле и Ренне, Д. Уэллера в Норвиче и Кардиффе, Э. Ди Гаэтано и Дж. Клемански в Бирмингеме и Бристолле и др. показали определенные

различия городских политических режимов в европейских городах, обусловленные спецификой политических институтов и традиций в городской политике (более значимая роль городских политико-административных элит, обусловленная более централизованной системой государственного управления, сравнительно небольшой долей финансирования городских проектов и кампаний из местных источников, наличием сильных политических партий и меньшей политической мобилизованностью бизнеса [18]).

Насколько все эти схемы и объяснения могут помочь в изучении российских городских политических реалий? На первый взгляд, современные тенденции в российской политике делают городские и региональные режимы маловероятными в силу преобладания административно-политических механизмов управления по мере выстраивания и укрепления «вертикали власти». Слабость либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, расширение бюрократического контроля и сужение сферы публичной политики, широкое использование «административного ресурса» и отсутствие независимой правоохранительной системы, казалось бы, полностью исключают предпосылки и возможности установления стабильных партнерских (равноправных) отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами.

Однако есть факторы, сохраняющие возможность и перспективы формирования городских режимов, аналогичных американским или британским.

Во-первых, это влияние глобализации, а также возрастание сложности и многомерности социальных процессов, стимулирующих усложнение социального управления, переход от «government» к «governance». Эти тенденции все более заметны в России, особенно в крупных городах.

Во-вторых, усиление влияния федерального центра на региональную и городскую политику может усилить естественное стремление местных политических и экономических элит объединить свои усилия в отстаивании своих интересов.

В-третьих, в любом современном обществе с рыночной экономикой бизнес будет иметь существенные ресурсы политического влияния (деньги, корпоративная солидарность, связи) и структурные преимущества (по крайней мере, в потенциале) над другими группами, позволяющие ему рассчитывать на привилегированное положение при учете его интересов представителями публичной власти. Поэтому даже в условиях доминирования административно-политических элит роль бизнеса в политике никогда не будет номинальной. Особенно это касается сферы принятия решений по экономическим вопросам.

В-четвертых, слабость правовой системы и формальных правил могут не только препятствовать созданию нормальных условий для участия в принятии решений различных структур гражданского общества, но и в какой-то мере использоваться для создания коалиционных отношений на неформальной основе. Режимная теория подчеркивает значимость, прежде всего, неформальных отношений между акторами, в которых и реализуются имеющиеся у негосударственных акторов ресурсы власти и влияния. Неформальные практики всегда играли центральную роль в российском политическом процессе, и поэтому предпринимающиеся попытки ограничить роль бизнеса в принятии политических решений вряд ли смогут полностью подорвать его неформальное политическое влияние, особенно в регионах.

В-пятых, в период президентства Б.Н. Ельцина огромное влияние бизнеса на политические процессы как на федеральном уровне, так и в городах и регионах было бесспорным, и многие аналитики обозначали существовавший режим как «олигархический». Сегодня ситуация несколько изменилась, однако в силу инерции, а также растущего понимания бизнес-элитами необходимости поддержания политической составляющей своего положения в обществе многие формы отношений, сформировавшиеся в тот период, по-видимому, отчасти сохранились. Как показывают эмпирические исследования в регионах, заявленные цели политики федерального центра расходятся с реальными практиками их реализации [19].

Наконец, британский опыт использования теории «городских политических режимов» показывает, что она вполне работает и в странах с сильной государственной централизацией. Теория объясняет существование режимов, отличных от «машин роста», в которых бизнес совсем не обязательно играет ведущую роль. При этом власть в отдельных российских городах и регионах можно объяснять как «появляющиеся (ограниченные) режимы» (А. Хардинг) или описывать ее как коалицию с определенной конфигурацией акторов. Также вполне вероятно, что в российских городах и регионах ключевыми участниками режима (коалиции) могут оказаться муниципальные и государственные структуры разного уровня, как это имеет место, например, во Франции.

Насколько политическое пространство российского города остается свободным для формирования «машин роста» и других политических режимов? Какую роль в них играет бизнес, другие негосударственные акторы? Какие ресурсы остаются в их распоряжении в условиях усиления авторитарных начал и ограничения политического плюрализма? Эти и другие вопросы требуют серьезной эмпирической проверки.

Список литературы

1. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. – New York: Harcourt, Brace, and World, 1929.
2. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown in Transition. – New York: Harcourt, Brace, and World, 1937.

3. **Warner W.L., Lunt P.S.** The Social Life of a Modern Community (Yankee City Series, 1). – New Haven: Yale University Press, 1941.
4. **Hollingshead A.B.** Elmtown's Youth, the Impact of Social Classes on Adolescents. – New York: John Wiley, 1949.
5. **Polsby N.** Community Power and Political Theory. – New Haven: Yale University Press, 1980.
6. **Hunter F.** Community Power Structure. A Study of Decision-makers. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953.
7. **Ледяев В.Г.** Социология власти: исследование Флойда Хантера // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 96–114.
8. **Ледяев В.Г.** Классические методики определения субъектов политической власти: западный опыт // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции / Отв. ред. А.И. Соловьев. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 33–55.
9. **Hawley W.D., Wirt F.M.** Methodological problems in specifying patterns of community power // The Search for Community Power /Ed. by W.D. Hawley and F.M. Wirt. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1974. – P. 129–138.
10. **Orum A.** Introduction to Political Sociology. The Social Anatomy of the Body Politics. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1978.
11. **Clark T.N.** Community Structure, Power and Decision-making. – Scranton: Chandler, 1968.
12. **Lineberry R., Sharkansky I.** Urban Politics and Public Policy. 2nd. ed. – New York: Harper and Row, 1978.
13. **Walton J.** Substance and artifact: The current status of research on community power structure // American Journal of Sociology. – 1966. – Vol. 71. – № 4. – P. 430–438.
14. **Pickvance C.** Marxist theories of urban politics // Theories of Urban Politics /Ed. By David Judge, Gerry Stoker and Harold Wolman. – London: Sage, 1995. – P. 253–275.
15. **Logan J., Molotch H.** Urban Fortunes: The Political Economy of Place. – Berkeley: University of California Press, 1987.
16. **Stone C.N.** Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. – Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
17. **Stone C.** Urban regimes and the capacity to govern: a political economy approach // Journal of Urban Affairs. – 1993. – Vol. 15. – P. 1–28.
18. **Harding A.** Review article: North American urban political economy, urban theory and British research // British Journal of Political Sociology. – 1999. – Vol. 29. – P. 673–698.
19. **Лапина Н., Чирикова А.** Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит: Аналитический доклад, подготовленный по заказу московского представительства Фонда им. Ф. Эберга. – М., 2004.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 03-06-80-409).